

обрамлению Повести соответствует и ее язык, представляющий собой, если воспользоваться существующим определением, «беспорядочное смешение славенщины с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской лексикой».³⁵ В Повести много латинизированных конструкций («желающа меня видети ядуща» — л. 100, об.; «обретох себя ослом быти» — л. 92; «раскупя всю скотину, остался я один последней» — л. 89, об.), характерны обороты с одним отрицанием при глаголе («я никому понравился» — л. 89, об.; «ничего зделав» — л. 93). Эти черты, однако, свойственны многим переводам, здесь же более важным является то, что основной язык Повести не церковнославянский (даже в тех его формах, которые известны по переводам начала XVIII в.),³⁶ а русский — отразивший в диалогах разговорные нормы. Такое решение переводчика можно объяснить только одним: повесть относится к низкому жанру, потому и стиль ее должен быть «низкий», «грубый». Отсюда и известная русификация Повести.

Жители Фессалии («дворяна» — л. 100, об.; «крестьяне» — л. 98, об.; «холопи» — л. 82, об.; «попы» — л. 95) разъезжают «из одного уезду в другой» (л. 88), при необходимости обращаются «к губернатору» (л. 102, об.), иногда появляются «целой ротой» (л. 95), среди них есть «тати церковные» (л. 97) и «салдаты» (л. 86, об.), орудующие «шпагами и тесаками» (л. 98, об.). При надобности виноватых держат «за караулом» (л. 102, об.). Одеваются герои в «кафтан» (л. 81, об.) и «башмаки» (л. 88), заходят «в церковь» (л. 97), носят «борошень» (л. 81), расплачиваются «шеленгами и копейками» (л. 95), сидят «вне избы на галерии» (л. 84), пьют из «достакана» (л. 83, об.), а любовники величают друг друга «дущечка моя» (л. 91) и «ангел мой» (л. 92, об.).

Не только язык отличает Повесть от других переводов античных памятников. Последние переводились для назидания, *ad usum delphini*. А Повесть совершенно не назидательна, и переводчик не скрывает этого, более того, он даже смакует трущобный натурализм Лукиана, используя просторечие при пересказе тех эпизодов Повести, которые целомудренно опустили или передали описательно как польский переводчик начала XVII в., так и О. И. Сенковский в 1840-х гг.³⁷ Это нарушение литературной конвенции сродни петровским увеселениям во «всешутейшем соборе».

ровской эпохи: 1. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 7—8. С. 527—546.

³⁵ *Исаченко А. В.* Когда сформировался русский литературный язык? // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1978. Bd 24. S. 134.

³⁶ См.: *Живов В. М.* Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Барнарда Варения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3. С. 246—260.

³⁷ См.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 5. С. 3—74. Полный современный русский перевод см.: *Лукиан*. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 444—478.